

Идеология виктимизации: Почему не все мужчины являются насильниками

Ферал Фавн

Весна 1992 года

Ферал Фавн

Идеология виктимизации: Почему не все мужчины
являются насильниками
Весна 1992 года

<https://avtonom.org/pages/ideologiya-viktimizatsii-pochemu-ne-vse-muzhchiny-yavlyayutsya-nasilnikami>

ru.anarchistlibraries.net

В Новом Орлеане, неподалеку от Французского Квартала, на одном из заборов есть граффити, сделанное через трафарет. Оно гласит: «Мужчины – насильники». Я проходил мимо этого забора почти ежедневно. Увидев это граффити впервые, я жутко взбесился. Ведь неизвестный граффитист наверняка определил бы меня как «мужчину», однако мне никогда и в голову не приходило никого насиловать¹. То же самое могу сказать и про каждого из моих друзей, наделенных половым членом. Однако, поскольку я сталкивался с этой увековеченной в краске догмой ежедневно, причины моего гнева изменились. Я понял, что это безапелляционное высказывание – лишь малая

¹ Лишь около 0.05% мужчин США ответственны за изнасилование (с учетом нераскрытых преступлений реальная цифра может быть около 0.1%). При этом каждый четвертый мужчина сам переживал сексуальное насилие. *Прим. ред.*

часть длинного списка, лежащего в основе феминистской версии идеологии виктимизации – идеологии, возбуждающей страх, индивидуальную слабость (и как следствие – зависимость от групп поддержки, основанных по идеологическому принципу) и слепоту по отношению к любым проявлениям реальности и опыту, не совпадающим с интерпретацией себя с качестве жертвы.

Я не отрицаю, что за идеологией виктимизации стоит определенная социальная реальность. Ни одна идеология не смогла бы существовать, не имея она хоть какого-нибудь базиса в реальности. Как сказал Боб Блэк, «все мы – взрослые дети своих родителей». На протяжении всей жизни мы живем в обществе, основанном на репрессиях и эксплуатации наших желаний, страстей и индивидуальности, однако совершенно абсурдно (заранее) принимать поражение, определяя себя в терминах виктимизации.

Выступая в качестве средств контроля за обществом, социальные институты усиливают чувство виктимизации в каждом из нас, фокусируя его в направлениях, укрепляющих зависимость от социальных институций. СМИ засыпают нас историями о преступлениях, коррупции в политических и бизнес-кругах, борьбе полов, рас, голоде и войнах. И хотя зачастую эти истории имеют отношение к реальности, нам они преподносятся именно для того, чтобы усилить страх. Однако, многие из нас ставят под сомнение правдивость медиа..., позволяя запудривать себе мозги с помощью различных «радикальных» идеологий, каждая из которых содержит определенное зерно истины, но остается совершенно слепа по отношению к любому явлению, не укладывающемуся в ее рамки.

Все подобные идеологии усиливают идеологию виктимизации, препятствуя рассмотрению общества в его целостности и камуфлируя свою роль в воспроизводстве этого общества. И СМИ, и все версии идеологического радика-

зат. Для всех нас, стремящихся жить полной и свободной жизнью, остается в прошлом время, когда мы могли жить, подобно пугливым мышам в стене. Любая форма идеологии виктимизации делает из нас пугливых мышей. Вместо этого, давайте будем сумасшедшими смеющимися монстрами, радостно разрушающими стены общества и создающими для себя жизни, полные изумления и восторга.

жен прерваться ни на минуту, дабы гарантировать, что жертвы никогда не забудут о своем статусе. «Радикальные» освободительные движения способствуют лишь увековечиванию атмосферы страха, в которой индивиды продолжают ощущать свою слабость, а свою силу – как лежащую сугубо в пределах их социальных ролей, в действительности являющихся источником их виктимизации. Таким образом, эти движения и идеологии действуют в одном направлении – предотвращения возможности крупного мятежа против всякой власти и любых социальных ролей.

Настоящий мятеж никогда не будет безопасным. Те, кто предпочитает определять себя через свою роль жертвы, никогда не рискнут присоединиться к всеобщему бунту, ведь он будет угрожать безопасности их роли. Однако, как сказал Ницше: «Жизнь, полная опасностей, – вот секрет величайшего плодородия духа и наслаждения существованием!» Сознательное неприятие идеологии виктимизации, отказ жить в страхе и слабости, признание силы наших страстей и желаний, признание нас самих в качестве индивидов, значащих много больше, чем любые социальные роли, а потому – способных прожить без них – только таким может быть базис всеобщего восстания против общества.

Такое восстание, конечно, частично подпитывается и гневом, но не тем резким, скрипучим гневом жертвы, оттененным обидой и разочарованием, в котором находят мотивацию феминистки, сторонники движений за равные права, за права геев и прочие, «требуя» власти предоставить им «права». Скорее, речь должна идти о гневе наших желаний, сбросивших цепи, о полноценном и открытом возвращении того, что прежде было вытеснено и подвергнуто репрессии. Но в первую очередь основами всеобщего восстания будут дух свободной игры, радость приключений и желание исследовать каждую возможность насыщенной жизни, в которой общество пытается нам отка-

лизма укрепляют идею о том, что мы являемся жертвами «внешнего», Другого, а существующие социальные структуры – семья, полиция, закон, группы поддержки, «радикальные» организации и т.д. – то есть, то, что увеличивает ощущение зависимости, служат лишь для нашей защиты. Если бы общество не произвело эти механизмы – включая формы ложной, идеологической, неполной оппозиции – для защиты самого себя, мы могли бы легко рассмотреть его как целое и распознать его зависимость от нашего участия в воспроизводстве общественных структур. Затем, пользуясь всякой возможностью, мы могли бы отбросить наши роли зависимых/жертв общества. Однако, эмоции, позиции и способы мышления, навязываемые идеологией виктимизации, делают такое обращение перспективы весьма проблематичным.

Принимая идеологию виктимизации в любой форме, мы выбираем жизнь в страхе. Граффити «Мужчины – насильники» было сделано, скорее всего, феминисткой, женщиной, надевавшейся таким образом бросить вызов патриархальному угнетению. Но на деле подобные заявления лишь сгущают уже существующую атмосферу страха. Вместо того, чтобы вселить в своих адресатов ощущение индивидуальной силы, они укрепляют идею о том, что женщины по природе своей предрасположены к тому, чтобы «быть жертвой». И те из них, кому доводится прочесть это граффити, даже если они не принимают стоящую за ним догму, наверное, чувствуют себя на улице менее уверенно. В разных формах идеология виктимизации, пронизывающая феминистский дискурс, может быть также обнаружена в движении за права геев, национально-освободительном движении, движении против расовой дискриминации, рабочем движении...

Черт возьми, да практически в любом движении, ориентированном на «радикальную идеологию»! Страх перед

реальной, непосредственной и легко определимой угрозой, направленной на индивида, может мотивировать его к действиям по нейтрализации этой угрозы. Однако, страх, порожденный идеологией виктимизации, – это страх перед силами чересчур масштабными и – одновременно – слишком абстрактными, чтобы противостоять им на индивидуальном уровне. В итоге все это приводит к распространению атмосферы страха, недоверия и паранойи, сквозь призму которых сеть социального контроля выглядит уже даже не просто необходимостью, а благом.

Именно в этой атмосфере страха, кажущейся непреодолимой, коренится овладевающее индивидами чувство страха и неизбежного обращения в жертву. Хотя различные идеологические «поборники свобод» зачастую и в самом деле бывают настроены весьма воинственно, лишь в редких случаях их гнев представляет собой угрозу существующему порядку. Вместо этого они предпочитают «требовать» (читай: «воинственно просить») от тех, кого определяют как своих угнетателей, даровать им «освобождение». Пример этому – ситуация, сложившаяся на анархистской встрече в Сан-Франциско (1989), проходившей под общим лозунгом «Долой границы!». На основной части семинаров, которые мне довелось посетить, мужчины говорили больше, чем женщины. Однако, никто не мешал им высказываться. Также я не заметил каких-либо проявлений неуважения по отношению к женщинам, которые все же озвучивали свою позицию. Тем не менее, на заднем дворе здания, в котором проводилась встреча, – там, где был установлен общедоступный микрофон, – прозвучала-таки речь, в которой заявлялось, что «мужчины» доминировали в дискуссиях и препятствовали высказыванию «женщинами» своего мнения.

Оратор потребовала от мужчин подтвердить, что женщинам было предоставлено достаточное пространство для

высказываний. Иными словами, обеспечить «права» угнетенных – позиция, которая косвенно принимает роль мужчины как угнетателя, а женщины – как жертвы. Конечно, были семинары, на которых кто-то доминировал в обсуждениях, однако, человек, опирающийся на силу своей индивидуальности, в подобной ситуации примет противостояние, как есть, и будет воспринимать своих оппонентов в первую очередь как отдельных личностей. Потребность помещать подобные ситуации в идеологический контекст, воспринимать личностей, в нее вовлеченных, как социальные роли, а прямой непосредственный опыт оборачивать в абстрактные категории – все это признаки позиции слабого, позиции жертвы.

Итогом такого выбора бывает абсурдная ситуация, в которой жертва просит своего угнетателя даровать ей свободу, гарантируя тем самым, что свобода для нее состоит лишь в том, чтобы быть жертвой. Как и все идеологии, различные идеологии виктимизации – это формы ложного сознания. Принять социальную роль жертвы – в любом из множества ее проявлений – значит не только выбрать для себя определенный жизненный путь или установить реальные отношения с социальными структурами. Все движения за частичное освобождение – феминизм, движения за права геев, движения против расовой дискриминации, рабочие движения и так далее – определяют индивидов через их социальные роли. Как следствие, они не содержат в себе обращение перспектив, которое социальные роли, наоборот, разрушает и позволяет строить опыт на основе наших собственных страстей и желаний; в действительности указанные движения работают даже против такого обращения перспектив.

Однако, самой сутью социальных ролей в рамках «освободительных» идеологий является готовность быть жертвой. Поток стенаний о претерпеваемых страданиях не дол-